

ДИАГНОСТИКА И АНАЛИЗ (ДИАМП + ДАТ)

Тип сцены: Глава состоит из двух частей. Первая — напряженная сцена аукциона (динамика, социальное давление, скрытое противостояние). Вторая — комедийно-романтическая развязка с элементами бытового юмора и интимности.

Проблемные зоны оригинала:

1. Лексическая избыточность: Частые повторы имен и статусов (□□ — иностранцы, — аукционист).
2. Специфический сленг: Понятия вроде «вставлять нож/подкалывать», интернет-мемы (□□□ — Чжао Житъян) и грубые идиомы (□□□□□□□□ — лицо как будто дерьма наелся). Требуется адаптация под русскую речевую традицию.
3. Синтаксис: В оригинале много коротких, обрывистых предложений в моменте торгов. Для русского языка это выглядит «телеграфно», необходимо объединение конструкций и работа с ритмом.
4. Анатомические буквализмы: «Глаза наполнились кровью», «глаза сузились». Исправляем на естественные реакции.

—

ТЕКСТ ГЛАВЫ

Аукцион

Ставки перевалили за десять миллионов. В зале воцарилось оживленное шуршание — взгляды то и дело возвращались к участнику под номером шестнадцать. Публику разбирало любопытство: кто этот невзрачный, совершенно заурядный мужчина? Но стоило в толпе пронестись слуху, что он представляет интересы семьи Ду, как оно сменилось завистливым восхищением. Отдать десять миллионов за какой-то старый линчжи... Сразу видно — денег у людей куры не клюют.

Группа иностранцев за соседним столом на мгновение обернулась, одарила незнакомца беглым взглядом и снова погрузилась в обсуждение. Янь Цзюнь заметил у их предводителя беспроводной наушник. «Марионетка», — мелькнула мысль. Похоже, настоящие решения принимал кто-то на другом конце связи.

Вскоре они выкатили новую цену:

— Тринадцать миллионов!

Янь Цзюнь лишь пренебрежительно скривил губы. Он уже потянулся к табличке, когда почувствовал на плече легкое прикосновение.

— Двадцать миллионов, — негромко прозвучал за спиной низкий, уверенный голос.

Янь Цзюнь едва удержался, чтобы не присвистнуть от такой наглости, но сохранил маску каменного безразличия. Он не спеша поднял номер.

Аукционист, едва сдерживая азарт, выкрикнул:

— Номер шестнадцать — двадцать миллионов! Один раз!

На этот раз среди иностранцев вспыхнула настоящая буря. Пока они ожесточенно спорили, Янь Цзюнь вполголоса бросил в сторону скрытого микрофона:

— Ду Сю, пробей эту компанию.

Он покосился на сидящего рядом мужчину. Тот сохранял полное спокойствие. Янь Цзюнь невольно восхитился: не зря Лу Ци прозвали «Золотой рукой». Выбросить двадцать миллионов и даже глазом не моргнуть — это надо уметь. Разумеется, среди коллекции Корпорации «Шэнхуэй» встречались достойные вещи, но ни одна из них до сих пор не дотягивала до таких безумных сумм. Цена явно перевалила за все разумные пределы.

Молоток уже готов был опуститься на трибуну, когда иностранцы наконец пришли к соглашению.

— Тридцать миллионов! — выпалил их лидер.

Вид у него был такой, будто он только что проглотил живую жабу. Похоже, это был их потолок — всю компанию перекосило от злобы и досады. Предводитель даже нашел в себе наглость обернуться и полоснуть Янь Цзюня яростным взглядом.

Янь Цзюнь на секунду засомневался. Торговаться дальше казалось пустой тратой ресурсов. В конце концов, он мог бы просто отобрать гриб силой после торгов, но риск был слишком велик. Стоило Призрачному линчжи попасть к ним в руки, и его могли уничтожить в ту же секунду. А на кону стояла жизнь Лу Ци. Янь Цзюнь не мог позволить себе проиграть в этой азартной игре.

Он снова собрался поднять табличку, но сидевший рядом мужчина опередил его, произнеся всё тем же ровным тоном:

— Пятьдесят миллионов.

Янь Цзюнь механически вскинул руку с номером. В зале на мгновение повисла гробовая тишина, прежде чем аукционист, заикаясь от изумления, пролепетал:

— Номер шестнадцать... пятьдесят миллионов!

По рядам прокатился шквал шепотков. На «незнакомца» теперь смотрели не просто с интересом, а с опаской. Иностранцы зашлись в новой истерике. Тот, что был в наушнике, спорил с невидимым собеседником так яростно, что у него на шее вздулись вены. Лишь когда молоток начал свой финальный отсчет, они затихли. Видимо, лидеру удалось убедить свое начальство отступить.

Теперь Янь Цзюнь был окончательно уверен: с этими ребятами дело нечисто.

— Пятьдесят миллионов! Три! Продано! — выкрикнул аукционист. — Поздравляем номер шестнадцать!

Под прицелом сотен глаз Янь Цзюнь сохранял невозмутимость, хотя в душе всю матерился.

«Твою мать! Пятьдесят миллионов! Похоже, придется мне всё-таки заняться чем-то противозаконным, чтобы покрыть такие расходы!»

Следом ушли еще два лота: подлинник каллиграфии и редкое издание древней книги. Цены были высокими, но рекорда Янь Цзюня не побил никто. Когда зал уже приготовился к завершению, аукционист поднял руку, призывая к тишине.

— Прошу внимания, господа. У нас остался один лот, не вошедший в основной каталог. Это была личная воля покойного господина Вана. Перед вами картина. Эпоха неизвестна, автор не установлен. Даже содержание сюжета и надписи по краям не поддаются однозначной расшифровке. Поэтому, станет ли эта работа жемчужиной вашей коллекции или окажется искусной подделкой — решать лишь вашей удаче.

Старинный свиток медленно развернулся.

— Стартовая цена — один юань!

В ту же секунду Янь Цзюнь застыл. Когда из глубины веков, сквозь золотистое сияние банкетного зала, проступили черты женщины в ярких одеждах иного народа, у него перехватило дыхание. Он словно воочию увидел, как она идет сквозь листву, раздвигая ветви... Он почувствовал, как сердце болезненно сжалось, а на глаза навернулись слезы.

Сидевший рядом мужчина почувствовал, как тот напрягся.

— Господин Лу, что с вами? — тихо спросил он.

Янь Цзюня едва не накрыло волной тоски, но голос спутника вернул его к реальности. Он вспомнил, где он и зачем здесь. На смену печали пришла холодная ярость.

Это было наследие его предков. Бесценное сокровище. И он не позволит никому осквернять его своими торгами.

— Ду Сю, — прохрипел он, подавляя эмоции. — Одолжи мне денег. Я всё верну, обещаю.

Ду Сю, который до этого момента хранил молчание, ответил лишь коротко:

— Хорошо.

Янь Цзюнь резко вскинул голову и впервые выкрикнул цену сам:

— Миллион!

Зал вздрогнул от этого неожиданного, надтреснутого голоса. Но, опознав в нем того самого представителя Ду, большинство присутствующих мигом растеряло азарт. Перебивать ставку человека с бездонным кошельком было бессмысленно, да и портить отношения с семьей Ду никто не хотел.

Однако не все были столь благоразумны. Те самые иностранцы, упустившие линчжи, решили напоследок отыграться. Их лидер, злорадно усмехнувшись, поднял табличку:

— Три миллиона!

Настроение Янь Цзюня и без того было скверным, а теперь он чувствовал себя так, словно его поджаривали на медленном огне. Глядя на изображение родного человека, он ощущал, как внутри вскипает гнев. Он медленно обернулся и вперился в иностранца тяжелым взглядом. Его обычно ясные глаза налились кровью.

— Десять миллионов, — выплюнул он. Голос звучал так сухо и грубо, что у окружающих зубы заныли.

Иностранец осекся. Поймав леденящий взгляд Янь Цзюня, он невольно втянул голову в плечи. Бедолаге показалось, что перед ним не человек, а бездна, полная разъяренных призраков. Его прошиб холодный пот, и он поспешно отвернулся, не смея больше поднять табличку.

Янь Цзюнь применил технику пленения души — этого хватило, чтобы окончательно запугать выскочку. Картина без дальнейших помех перешла к нему.

Аукцион завершился. Янь Цзюнь сидел в кресле, бережно сжимая в руках старинный свиток. Бешеное сердцебиение постепенно унималось, оставляя после себя лишь тихую, светлую печаль.

Все вещи те же, лишь людей уж нет, и прежде слов текут ручьи слез...

— Пойдем, — прервал его мысли спутник.

Грусть Янь Цзюня улетучилась мгновенно, стоило им переступить порог виллы Ду Сю. Он застыл на месте, переводя взгляд с Ду Сю на стоящего рядом с ним мужчину с обликом типичного «белого воротничка». Затем оглянулся на своего спутника — идеальную копию этого «элитного специалиста». Скверное предчувствие холодком пробежало по спине.

Ду Сю, не удержавшись, ехидно вставил шпильку:

— Ой, ну надо же! Супруги наконец-то вернулись домой!

Янь Цзюнь промолчал, чувствуя, как немеют пальцы.

— А Янь Цзюнь мне еще доказывал, — продолжал измываться Ду Сю, — что ты, Лу Ци, такой ценитель красоты, ни за что его в этом гриме не узнаешь!

Янь Цзюнь: «...»

— Но я-то знал! — Ду Сю вошел во вкус. — Разве истинная любовь может не узнать свою половинку?

Янь Цзюнь: «...»

— И кстати, — добавил Ду Сю, нанося решающий удар, — зачем ты капризничаешь и просишь денег у меня, когда твой муженек сидит прямо под боком?

Янь Цзюнь: «...»

— Совсем ты, лапуля, от рук отбился, — подытожил Ду Сю.

— Да пошел ты! — не выдержал Янь Цзюнь.

Ему было невыносимо неловко. Он схватил Ду Сю за локоть и потащил в сторону.

— Ой-ой-ой, полегче! — заверещал тот.

— Заткнись! Хватит паясничать, тошно слушать!

— Эй, полегче, на тебя муж смотрит, соблюдай приличия.

— Кончай нести чушь! — взорвался Янь Цзюнь. — Как это понимать?

— А что не так? — Ду Сю сделал невинное лицо. — Ты же сам просил меня его спровадить?

Янь Цзюнь процедил сквозь зубы:

— И ты, мать твою, называешь ЭТО «спровадить»?!

Ду Сю картинно вздохнул:

— Послушай, мой дорогой господин. Ты за один вечер спустил шестьдесят миллионов. Откуда у меня такие деньги? Мне еще, знаешь ли, свою маленькую принцессу обеспечивать надо.

Сказав это, он застенчиво улыбнулся. Янь Цзюнь готов был его придушить.

— Ты решил так отомстить мне за то, что я раскусил твои планы?! Мог хотя бы предупредить, если в тебе осталась хоть капля человечности!

— А я виноват, что ты его не узнал? — парировал Ду Сю.

— Да как его можно было узнать в таком виде?! — Янь Цзюнь был близок к истерике.

Ду Сю соорудил пафосную мину:

— Поматросил и бросил.

— Я... я его даже пальцем не тронул в таком смысле!

Ду Сю покатился со смеху:

— Ха-ха-ха! Да с твоим-то видом «пассивного мученика»? Стоит тебе штаны снять, как ноги сами подкосятся. Ты кем себя возомнил, героем-любовником?

— Проваливай! — рявкнул Янь Цзюнь.

Ду Сю, явно довольный произведенным эффектом, направился к выходу.

— Ладно-ладно, не буду мешать воссоединению. У вас наверняка сейчас искры полетят, так что я исчезаю. И не волнуйся, Янь Цзюнь: один бурный секс — и все обиды как рукой снимет!

Когда этот любитель чужих драм наконец скрылся за дверью, Янь Цзюнь тяжело вздохнул. Он медленно обернулся к мужчине, который, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за ним, прислонившись к стене.

Этот «элитный менеджер» явно не испытывал никаких проблем с восприятием заурядного лица Янь Цзюня. Он приподнял бровь и уселся на диван, нацепив ту самую фирменную ухмылку Лу Ци — смесь лукавства и азарта.

— Ну что, сокровище мое, давай-ка сведем дебет с кредитом.

Янь Цзюнь чувствовал себя прескверно. Все его благородные порывы и тайные подвиги ради спасения любимого обернулись каким-то фарсом. Он покорно подошел к журнальному столику, собираясь сесть напротив, но Лу Ци резко подался вперед, схватил его за руку и притянул к себе на колени.

Янь Цзюнь замер. Он решил, что сейчас лучше не сопротивляться, но стоило ему поднять взгляд и увидеть это чужое, правильное лицо «менеджера», как ему снова стало не по себе.

Лу Ци пресек любую попытку к бегству. Одной рукой он намертво обхватил талию Янь Цзюня, второй перехватил оба его запястья, а ногами зажал его бедра. Уткнувшись подбородком в плечо Янь Цзюня, он слегка повернул голову и прикусил его мочку уха.

— Давай по порядку, — негромко рассмеялся он.

Янь Цзюнь сидел к нему спиной, стараясь найти в ситуации хоть какие-то плюсы: по крайней мере, так он не видел этой жуткой маски. К тому же голос Лу Ци почти не изменился.

— Ты сказал мне, что едешь на научную конференцию, — начал Лу Ци.

— Так и есть, я действительно на ней был... — Янь Цзюнь осекся.

Он попытался обернуться, но Лу Ци жестко прервал его:

— Не дергайся.

Янь Цзюнь застыл, лихорадочно соображая, чем он умудрился спровоцировать этого зверя. Неужели он... серьезно? В таком гриме?

Лу Ци легонько прикусил его за шею и прошептал охрипшим голосом:

— Кто тебе ставил этот голос? Это же чертовски сексуально. Даже не представляю, как ты будешь стонать этим басом.

Янь Цзюнь впал в ступор. Неужели Пожирающий мозг Гу еще и на чувство прекрасного влияет? Как этот хрип может казаться сексуальным?

Лу Ци вздохнул.

— Ладно, лучше помолчи. Продолжим. Конференция — раз. В это же время ты ошиваешься в баре с каким-то типом, и вас даже успевают сфотографировать. Пришлось мне подсуетиться, чтобы снимки не всплыли. Это два.

Янь Цзюнь промолчал. Возразить было нечего.

— Потом ты поселяешься у Ду Сю. Сколько ты здесь уже торчишь? Это три. И вишенка на торте: ты идешь на аукцион, ничего мне не говоришь и — что самое возмутительное — клянчишь деньги у постороннего мужика! Ты меня совсем за покойника держишь?

Янь Цзюнь понял, что если сейчас не оправдается, последствия будут катастрофическими. Он постарался сделать свой хриплый голос как можно мягче:

— Я просто хотел одолжить у Ду Сю, я бы всё вернул...

— Ты прекрасно понимаешь, что я не про Ду Сю, — отрезал Лу Ци.

Янь Цзюнь вздохнул:

— Это твой дед настоял на партнерстве. Сказал, что раз его внук еще не вошел в мою семью, то и деньгами распоряжаться мне не положено.

Тут до него наконец дошло.

— Так ты узнал обо всём через дедушку?

— А ты как думал? Старик, которому под восемьдесят, внезапно потрошит все записки на «черный день». Я обязан был проверить, что за юная лиса решила окрутить моего деда и обеспечить мне дядюшку в моем-то возрасте. И кого же я нахожу в итоге?

Янь Цзюнь стало неловко.

— Я же не взял у него ни копейки!

— Знаю, что не взял, — вздохнул Лу Ци. — Но где бы ты достал шестьдесят миллионов? Почему не пришел ко мне?

Янь Цзюнь замолчал. Он знал способы раздобыть такие деньги, но для этого пришлось бы рискнуть головой.

— Это я виноват, что ставка взлетела до пятидесяти миллионов? — проворчал он.

— Пятьдесят миллионов — это еще мало, — фыркнул Лу Ци. — Моя жизнь стоит куда дороже.

Янь Цзюнь лишь закатил глаза.

— Не уходи от темы, — продолжал Лу Ци. — Где бы ты взял деньги?

— Честно? Я не думал, что понадобится столько, — повинулся Янь Цзюнь.

Лу Ци слегка сжал его талию.

— Теперь понимаешь, как это было опрометчиво? Признаешь вину?

— Виноват, — кротко согласился Янь Цзюнь. — Но я тогда подумал... если вдруг не справлюсь, у меня же есть ты. Вот и не стал накручивать себя. Я правда так думал.

Лу Ци на мгновение затих, а затем тихо рассмеялся.

— Ладно. И последний вопрос. Я спросил, скучал ли ты, и ты ответил «да». Но я тебя узнал сразу, а ты меня — нет. Как это понимать, Янь Цзюнь? Где справедливость?

«Ну вот, началось», — подумал Янь Цзюнь. По всем законам жанра сейчас должен последовать жаркий поцелуй, за которым последует бурная ночь, и все обиды будут забыты. Но

любопытство пересилило.

— Как ты меня узнал? — спросил он.

— Наверное, потому, что в моих жилах течет твоя кровь, — медленно произнес Лу Ци. — Лицо может измениться, голос может стать другим, но заставить мою кровь закипать можешь только ты.

Янь Цзюнь задохнулся от этих слов. Он резко развернулся, повалил Лу Ци на диван и, схватив за воротник, впился в его губы поцелуем. При этом он крепко зажмурился.

Смотреть на это лицо было выше его сил — казалось, что он изменяет сам себе.

Лу Ци, вдоволь насладившись инициативой партнера, перехватил контроль, подмял Янь Цзюня под себя и принялся стягивать пиджак. Янь Цзюнь, распаленный признанием, готов был сдаться, но стоило ему открыть глаза и увидеть над собой «чужого мужика», как всё возбуждение мгновенно улетучилось.

— Стой, стой, подожди! — забормотал он.

Лу Ци, не слушая, попытался его поцеловать. Янь Цзюнь уперся руками в его грудь.

— Лу Ци, твою мать! Ты серьезно можешь ЭТО делать, глядя на мое нынешнее лицо?!

Лу Ци замер. Он внимательно всмотрелся в лицо Янь Цзюня, провел пальцами по его щеке и негромко произнес:

— Грим паршивый. Но эти твои глаза... На этом лице они выглядят просто вызывающе сексуально. Я как только их увидел — сразу захотел тебя поиметь.

Янь Цзюнь был в отчаянии.

— А я не хочу! У меня такое чувство, что я ложусь в постель с охранником Ду Сю!

Лу Ци нахмурился, осознав масштаб проблемы. Он на мгновение задумался, а затем с притворным сокрушением выдохнул:

— Что ж, придется тебе потерпеть.

— Что?

Лу Ци подхватил брошенный на пол галстук и мягким, но уверенным движением завязал им глаза Янь Цзюня.

Мир Янь Цзюня погрузился в темноту. Он невольно приоткрыл рот от удивления, и в ту же секунду его накрыло знакомым поцелуем — требовательным, глубоким, лишаящим воли. В следующее мгновение он почувствовал, что его подхватили на руки. Янь Цзюнь судорожно обхватил Лу Ци за шею.

Когда его спина коснулась мягкой постели, а сверху навалилось тяжелое, горячее тело, в голове Янь Цзюня мелькнула лишь одна мысль:

«Твою же мать... а это даже бодрит».

<http://bllate.org/book/17422/1659939>